

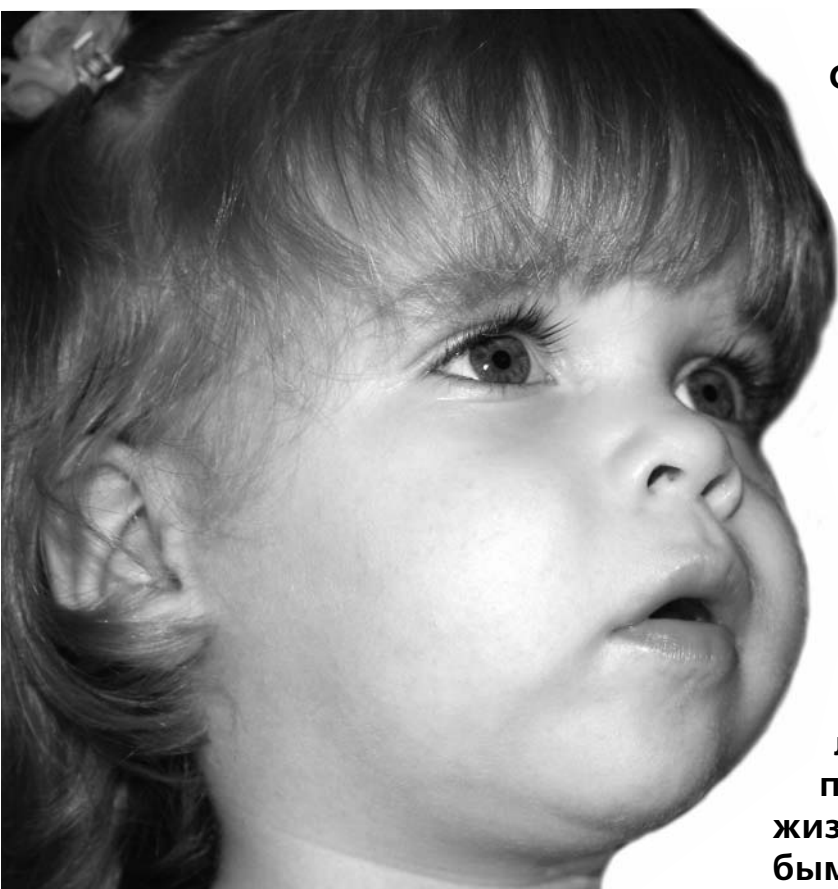
КНИЖНАЯ ПОЛКА МАМЫ

Мария МОСКОВСКАЯ,
Российская государственная
детская библиотека

Маленький рецепт большого семейного счастья

О КНИГЕ М. РОМАНУШКО ЭЙ, ТАМ, НА ЛЕТАЮЩЕЙ СОСКЕ!
— М.: ГЕО-МТ, 2002. — 88 С.

Сегодня немногие отечественные писатели пишут о семейном счастье, о тепле домашнего очага. К сожалению, у общества потребления совсем другие ценности. Тем более, мало кто понимает счастье как тяжкий труд и служение, как дарованную Богом свободу и ее высшее проявление — следование призванию.

Дом, творчество, рождение и воспитание детей даже в самое тяжелое и безотрадное время преображают будничную жизнь и наполняют ее особым смыслом.

**За окном белеет снег,
Дом наш — маленький ковчег.
Среди снега, среди света
Дом наш — маленький ковчег.**

Виктор Кротов. «Ковчег».

Самая окраина Москвы, панельная многоэтажка, маленькая квартирочка на 13-м этаже. Откройте книгу и зайдите в этот необыкновенный дом. Знакомьтесь: перед вами — обитатели маленькой квартирочки на Речвоке, писательская семья: сын-подросток, маленький Иксик, уже живущий под маминым сердцем и... целый мир, большая семейная планета, живущая по своим законам.

А на дворе — 1990-й. Помните, какое это было время? Пустые полки магазинов, первые ростки межнациональной розни, уровень непонимания друг друга в обществе достиг критической отметки. Вроде бы свобода, а вроде и нет... Смерть Андрея Дмитриевича Сахарова, убийство отца Александра Меня. Люди осиротели: два самых последовательных и бесстрашных борца за человеческую свободу были так или иначе уничтожены. Тогда казалось, что мир обрушился, буквально нечем было дышать, нечего есть, не на что надеяться. Ощущение полной незащитности в рушащемся на наших глазах мире...

В то время не родилось целое поколение. Как можно рожать в такой нестабильной обстановке?! Именно в это время в семье московских писателей-интеллектуалов рождается девочка Ксюша. Рождается вопреки всему — непрофессионализму и бесчеловечности врачей, общероссийской голодухе, пустым кошелькам молодых родителей (извечная судьба русской интеллигенции). В мир приходит маленькая девочка и привносит в него праздник. Вернее, массу новых, по-особому значимых праздников: Праздник первого Бантика, День Великого Расспроса, феерический праздник Красных Гладиолусов... Да еще великое множество будней, похожих на праздники, и праздников, наполненных будничными заботами, недосыпаниями, круглосуточными дежурствами у постельки тревожного, беспокойного ребенка. Дом на Речвоке живет по своим законам. У него свое понимание счастья: «Какое,

оказывается, блаженство — купить дочке первое платьице!» «Каждые два часа дом оглашается голодным криком нашей детки. И ночью — тоже. Жизнь превратилась в сплошное кормление. «Устала, милая? — «Блаженствую!»

«Такой прекрасной наша комната еще никогда не была! Наша «многокомнатная» квартира. Пестрый занавес из пеленок... Волшебный театр чудесных превращений. Ежеминутных. Декорации к самой лучшей из сказок. Скажи, неужели эта сказка — ПРАВДА? — Хочешь, ущипну? — смеешься ты».

В жизни появилась цель. В жизни появился смысл. В жизни появился Новый Человек. Это наполнило безрадостное существование особым смыслом и новой красотой. «Как же они решались в такое время рожать детей?» — думаю я, вспоминая свою бабушку, которая вышла замуж в разгар Гражданской войны. И вдруг подумалось: а ведь и о нашем времени, наверное, когда-нибудь скажут: кризис, хаос, разруха... и как они решались? Подвиг Женщины-Матери невозможно стимулировать никакими социальными выплатами и демографическими программами. Совершать его или не совершать, решает каждая женщина самостоятельно. Но все земные подвиги, как правило, вознаграждаются сполна. Именно Маленький Ангел Ксюша спас родителей от страшной депрессии после гибели о. Александра Меня, спас окончательно, нежно улыбнувшись и сказав первый раз: «Мама».

Однако уход Андрея Сахарова и отца Александра Меня, голод, паника и неразбериха — не единственные испытания в жизни молодой семьи. Бесчисленные письма из редакций (рукопись прочитали-понрави-

лось-опубликовать не можем), чувство нереализованности, не востребо­ванности — тяжелое испытание для творческих людей. Это наряду с письмами случайных малочисленных читателей, которых могло быть много больше, если бы формировавшийся в то время рынок печатной продукции не был столь конъюнктурен. Если не о Сталине и не про проституток, то печатать «не имеет смысла». И рядом — праздник Появления на свет малыша и Познания им мира. Всегда есть выбор: на что предпочтительнее реагировать? «Смотреть с тобой на бабочку. На закат. На воробья. Радоваться — бабочке, закату, воробью. И — не думать, не писать мысленно писем редактору, который не хочет издавать моих книг, не спорить мысленно и совершенно тщетно с тупым рецензентом... Не отрывать время и душу — от вечности — на преходящее. От вечного — на суетное».

Книга рассказывает о взаимопонимании. Когда родители учатся понимать детей, дети — родителей, и вся семья — друг друга. Книга учит мудрости и терпению, учит лучше всяких педагогов, психологов, а также иных «логик» и «логий». Учит любви, сила которой безгранична. Эта сила способна исцелить неисцелимое и объяснить необъяснимое. Как вы объясните своему уже взрослеющему старшему сыну, зачем вам второй ребенок? Как вы переживаете, если ваш новорожденный так сильно плачет круглые сутки, что врачи ставят диагноз: «судорожная готовность»? Как приготовить обед семье из четырех человек, когда дома из продуктов только перловка? На все это у автора один рецепт — три волшебных слова: «Я вас люблю».

Если любовь правит домом, в этом доме возможно все.

И еще повесть учит нас свободе. Свободе как главному и не­ременному атрибуту человеческой жизни. Свободе как необходимому условию для счастья. Умение быть собой в любых обстоятельствах (когда в России было легко?). Независимость от навязанных обществом стереотипов («Зачем ходить в рестораны?»). Маленький рецепт большого семейного счастья: Хозяйке хорошо ДОМА, и только дома она чувствует себя свободной по-настоящему.

Тогда муж спешит домой как на праздник, тогда проходят болезни, исчезает непонимание и рассеиваются чары недомашнего мира, мира борьбы за выживание, суеты и постоянного противостояния миру насилия. Дом — как надежное прибежище в окружающем хаосе: «Отсидеться, переждать в Доме. В своей крепости. В крепости любви. В крепости веры».

Дом для молодой мамы — и писательская лаборатория, где легко пишется на стареньком компьютере, пока малышка спит, и территория для раздумий, где есть время сосредоточиться и подумать о важном, пока не перемоешь всю посуду, и дискуссионный клуб, где по ночам, в крошечной прихожей хозяева устраивают «ночные застолья», а не застолия — за неимением места. За маленьким стульчиком в передней, глубокой ночью обсуждаются важные проблемы и решаются серьезные вопросы.

Одним словом, даже самому творческому человеку необходима весьма ограниченная территория для литературных изысков.

Создать свой мир, мир уюта и тепла, добра и понимания, любви и свободы — маленький Ковчег, где можно спастись от окружающего зла и агрессивного невежества. Если этот домашний заповедник настолько велик, что вмещает в себя безмерную любовь и всепроникающее понимание, то его физические размеры не имеют никакого смысла. Совсем неважно, сколько комнат и сколько метров в доме, о котором сказано его обитателями:

Он вмещает целый мир.
Он огромней всех квартир.
И не тесно в нашем доме,
Что вмещает целый мир.

Видимо, для счастливой жизни в своем доме нужно не так уж много — хорошие книги, радостные воспоминания и умение превратить самое будничное занятие в праздничное и существенное: «...Он ни за что так не скажет: стирка пеленок. Он говорит возвышенно, с упоением: омовение пелен!». Главное — это правильно расставить акценты в домашней работе, хоть с теми же пеленками. «А когда ты их гладишь, у тебя такой торжественный вид, словно ты гладишь платье королевы!..».

«Почему я раньше успевала много, а теперь не успеваю ничего?»

Как НИЧЕГО? — возмущенно восклицает ты.

Да-да, милый, конечно! Ну, конечно же! Мы успеваем самое главное: любить наших деток».

Здесь есть место любой фантазии, будь то семейная газета или семейный спектакль, превращение поджии в цветущий сад или перепланировка маленькой комнаты в большой Семейный Ковчег. А если рядом друзья, готовые помочь, поддержать, развеселить, просто быть рядом, если есть книги, которые могут подарить не только кругосветное, но и межпланетное путешествие, если есть свое собственное творчество, помогающее поделиться с миром своим счастьем, то легко понять, что для счастья нужно действительно не так много денег. Нехватка бюджетных средств с лихвой компенсируется неиссякаемым запасом душевных сил. Их с избытком хватает на обустройство СВОЕГО домашнего очага. Как сказал кто-то из современных писателей, «счастлив не тот, у кого много денег, а тот, кому хватает».

Может быть, сегодня счастлив тот, кто свободен от законов ненасытного общества потребления, ведь оно никогда не продаст нам полноценный рецепт семейного счастья.

Может быть, секрет в том и состоит, что понятие счастья совпадает с понятием служения, полной самоотдачи, иногда на пределе сил и возможностей. Ведь если все члены семьи отдают себя друг другу, каждый из них чем больше отдаст, тем больше получит... Счастье — это прежде всего каждодневный труд... «Счастливы ли мы?.. Да, мы счастливы. Счастливы — когда хватает сил на эту работу. Когда мы делаем ее навывкладку. Потому что быть счастливым — это большой труд. И нет ничего проще, чем быть несчастным. Для этого и делать ничего не нужно. Особенно при нашей-то действительности. Несчастье рассеяно вокруг, как пыль в воздухе... И сколько же труда, сколько сил приходится прикладывать — ежед-

невно, ежечасно — чтобы противостоять».

Много-много мифов разрушает эта безыскусная и в высшей степени изысканная повесть о Рождении, Любви и Труде. Тем более, что повествование документально — от А до Я. Вместе с тем поэтический язык, яркая образность завораживают и вводят в мир высокой художественной Правды и Красоты, откуда трудно вырваться в окружающую действительность, будничную и надоевшую.

Всем женщинам необходим уход в другой мир — вымышленный мир дамской идиллии, где нет текущего крана на кухне и давки в метро. Мир, где царят Поэзия, Гармония и Красота. Этот мир полностью дарит нам автор «Летающей соски»: «А во мне тихо-тихо... И в этой тишине... посреди этой незнакомой блаженной тишины словно бы распускается невиданной красоты цветок... Белая роза! Я чувствую в себе это белоснежное, это кружащее голову распускание...» Эти строки, описывающие ощущения первых месяцев беременности, — высокая поэзия.

Мария Романушко смогла создать свой Домашний Авалон, практически не выходя за порог крошечной квартирки, не отходя от плиты и тазика с бельем, а мы... Нам все больше подавай экзотические туры на Красное море, на худой случай — скандинавские фьорды. На меньшее мы не согласны, иначе не отдохнешь.

Читая «Эй, там, на летающей соске!», отдыхаешь душой не меньше, чем читая самые чувствительные дамские романы, с любовными приключениями, мужьями-миллионерами и дачами-замками на Канарах. Несмотря на то, что автор пишет и о домашнем труде, и о безденежье, и о болезнях, и об утратах. Читая эту повесть, начинаешь верить в себя. В свое особое женское предназначение, неповторимое счастье, простое, но вечное. Понимаешь, что самая высокая поэзия на свете — первое слово твоего малыша, самый изысканный и разноцветный праздник — семейный обед, когда цветы на столе, и над столом царят уют, гармония и взаимопонимание.

Светлана Владимировна Фрейтаг пишет о детской ревности и о том, как эта тема рассматривается в рассказах «Зеленое болотце» М.С. Киселевой, «Сестра моя Ксения» из цикла В.Ю. Драгунского «Денискины рассказы» и «Что у Сеньки было» Р.П. Погодина. Тема детской ревности — острая, «горячая» тема. И не всегда родители знают, как «сгладить» конфликт, успокоить детское сердечко. Может быть, статья окажет помощь в решении подобных проблем, а, возможно, подсказки покажутся спорными. Просим вас, дорогие наши читатели, присылать нам свои размышления, отклики и суждения на эту и другие непростые темы семейной жизни.

О ДЕТСКОЙ РЕВНОСТИ

Одним из значимых конфликтов в детской литературе является детская ревность.

Бывает, ревнуют маму к «новому папе», реже — к родному. Или дети ревнуют своих родителей ко второму ребенку, появившемуся в семье.

Порой страх потерять любовь взрослых и свой статус в семье в реальной жизни может толкнуть старшего ребенка на преступление. Поэтому для решения этой проблемы важно и детям и взрослым знать, какие способы решения уже существуют и как этот конфликт можно изжить.

Одним из способов является примирение и принятие изменившейся ситуации. Для этого нужно осознать, что ребенок не оказался в каких-то исключительно непереносимых условиях, что с подобными трудностями его сверстники уже встречались. В конечном счете, примириться с собственным взрослением приходится каждому ребенку, как в жизни, так и в художественной литературе. А взросление — это путь приобретения опыта, житейской мудрости и, естественно, утраты «детских» свойств и черт личности, о потере которых взрослые сожалеют как об «утраченном рае».

Утрата детства некоторыми детскими писателями связывается именно с переживанием старшим ребенком ревности к

младшему. Именно появление этого недоброго, злого чувства служит завязкой сюжета в рассказах «Зеленое болотце» М.С. Киселевой, «Сестра моя Ксения» из цикла В.Ю. Драгунского «Денискины рассказы» и в рассказе «Что у Сеньки было» Р.П. Погодина.

М.С. Киселева выбрала своим героем девочку Анку, которая дружит с лягушонком Локом, кормит его, «разговаривает» с ним, то есть рассказывает ему обо всем, что заботит ее. Но вот девочке приходится прощаться со своим другом: Анка уезжает на каникулы в другую деревню. Девочка жалуется Локу на то, что мама больше ее не любит, даже причесала ее кое-как. И все из-за маленького, нечаянно появившегося братика «Лешки-картошки».

Когда же после каникул Анка возвращается и приходит на болотце, где живет ее друг Лок, то она не узнает его в вышедшей на зов лягушке. И теперь ей некому сказать, что всё хорошо, она любит своего братика Лешку. Переживания героини передаются скупой, только дразнилкой, вырвавшаяся у нее, свидетельствует о чувствах к брату.

Основную роль в разрешении конфликта играет временная разлука героя с «разлюбившей» мамой и «нелюбимым» братом. Именно во время этой разлуки в душе девочки происходят какие-то перемены, скрытые от читателя. Таким образом, художественное время разрывается и начинает течь снова после возвращения героя. Драматизм произведения и заключается в том, что изменения, произошедшие с героями, оказываются для чи-

тателя внезапными. Намек на суть перемен: Лок вырос, значит, и девочка выросла, — открытым текстом не выражен, но очевиден. Способ решения проблемы также ясен — дайте ревнивцу поскучать, удалите его из семьи, и, став постарше, он забудет свои детские переживания. Да и вы сами, стосковавшись без старшего ребенка, по-другому отнесетесь к его претензиям.

«Сестра моя Ксения» является логическим завершением цикла «Денискины рассказы».

Так как у Дениски нет друга среди животных, то богатство его внутреннего мира выказывается в подробном изложении бурных и красочных переживаний героя, связанных с ожиданием мамы из больницы и появлением сестры. Детская реакция на появление нового ребенка такова: раз они любят Ксеньку, значит, они больше не любят меня. А раз так — я уйду от них насовсем. И докажу им,

что они напрасно сменяли меня на нее, я стану героем какой-нибудь стройки века. То есть решение героя Драгунского сходно с решением мамы Анки: он стремится к разлуке как способу решения конфликта. Но это решение продиктовано стремлением сохранить свой «детский» статус в семье.

Поэтому Дениска только в мечтах бежит на стройку, во взрослую жизнь. В реальности же он уподобляет себя ребенку еще меньшего возраста, нежели Ксения, прячась, как в материнское чрево, в платяной шкаф. В этом шкафу он чувствует себя вполне комфортно, но ему приходится вылезти оттуда. Родители пытаются привлечь его к уходу за младенцем. Дениске интересно, как будут купать девочку. Во время купания младенец инстинктивно вцепляется в палец мальчика. У Дениски пробуждается сопереживание сестренке: «Какой это для нее ужас и пытка, и единственная надежда и защита — старший умный и сильный брат». Так он осваивает и принимает свою новую социальную роль. Утрату же своего детства герой не ощущает и не осознает. Конфликт растворяется в волнах эмоций, исчезает в них, как будто его и не было. Пространственно-

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ Денискины рассказы

временной разрыв (разлука) происходит, переживается внутри сознания героя, а не в реальности, как у Киселевой, и почти не проявляясь в действиях. То есть Дениска, как и Анка, предстает перед читателем, в основном, пассивным, плывущим по течению обстоятельство.

Герой рассказа Р.П. Погодина «Что у Сеньки было» резко отличается от них именно активностью неприятия своей судьбы. Отличается и мир его детства. Сенькин мир принципиально незамкнут, и

в этом смысле не идиллический, как отмечает М. Николаева¹. Поэтому он сразу узнает от взрослых (все шкетиком был, а сегодня смотри — уже мужик) и понимает, какую угрозу несет появление нового ребенка. «От этих слов Сенька сразу озяб. Почувствовал он в них скрытый смысл — вроде бы теперь он сам по себе. Пахнуло от этих слов на Сеньку дорожной холодной волей». Замечательно и характерно для творчества Р.П. Погодина то, что переживание героя окрашено пространственными представлениями и передано через пространство.

Но все же сначала Сенька пытается удержаться дома: доказать, что он больше умеет (месит тесто, чтобы сделать ватрушки) и поэтому больше достоин любви. А чтобы избавиться от «ненужного» ребенка, относит девочку в капусту к бездетной тетке Любе: «Моя мамка по ошибке тебя нашла, а теперь будет не по ошибке»². Но все его попытки терпят крах, и мальчик уходит прочь — насов-

сем в «огромный город, где делают аэропланы».

Что удивительно — никто его не удивляет. М. Николаева связывает это с ритуалом инициации, обрядом посвящения во взрослые. Старики, такие как дед Савелий, должны способствовать превращению ребенка во взрослого, поэтому Сенька получает пищу на дорогу, но дед при этом дает мальчику не совет, куда идти (как было бы в сказке или в ритуале), а предупреждение. Пожалуй, даже предостережение: «А человек никогда обратно не возвращается. Воротится человек, глянешь, а это уже другой человек. А если таким же воротится — глянет, а место, из которого он вышел, уже другое. Этого, Сенька, многие не понимают, потому и рвутся назад, и страдают от своей ошибки. А ты пойми — ну не может человек ни жить по-вчерашнему, ни думать». Встреча с Председателем, который внешне тоже помогает Сеньке удрать, на самом деле примером своей жизни подтверждает мудрые слова деда. Только старик говорил, в основном, о ходе времени и об изменениях в человеке, которые время несет с собой, а Председатель — больше о том, что каждый должен делать свое дело и быть на своем месте. Сенька должен понять, где его место, и вот теперь, уже по совету взрослого (снова как в сказке!) он поднимается на высокий холм, «чтобы не плутать». В рассказе В.Ю. Драгунского «Рабочие дробят камень» Дениска тоже поднимается на высоту и видит прекрасную даль, распахнувшуюся перед ним. Но, помимо красоты мира, Дениска чувствует грозную бездну под ногами (он стоит на очень высокой вышке, прыгнуть с которой его подначивают приятели), и он испытывает смертельный страх. Что же происходит у Р.П. Погодина? Сенька «поднялся на самый верх, стало ему далеко видно вокруг. И сомкнулся тогда Сенькин мир малый с большим миром и громадным, так как земля Сенькина уходила вдаль на необъятные расстояния. <...> От своей земли, от ее прекрасного широкого вида почувствовал Сенька в сердце тепло. “Ух ты, — подумал он, — куда от такой земли уйдешь, если она моя! И мамка моя, и отец, и сестренка, и все люди-соседи, и птицы пролетные, и птицы оседлые — все

¹ Николаева М. На границе детства // Детская литература — 1998. — № 4. — С.25—30.

² И.Н. Тимофеева (См.: Тимофеева И.Н. Что и как читать вашему ребенку от года до десяти: Энциклопедия для родителей по руководству детским чтением. — СПб: Изд-во РНБ, 2000. — С.27) считает, что именно недостаточная подготовка мальчика к появлению ребенка (ему сначала сказали, что скоро у него будет брат, а родилась сестренка; потом ему рассказали сказку про то, как ребяташек в капусте находят) послужила причиной конфликта и всех действий Сеньки, которые могли бы закончиться трагически.

мои. <...> Потому мои, что я ихний". Подумал Сенька еще, что делить это ему ни с кем не нужно — неделимое оно. У каждого оно свое, хоть и одно и то же».

Так как один и тот же вид прекрасной дали рождает прямо противоположные чувства у героев этих двух писателей, можно говорить о различии их мировоззрений, то есть сущности их творчества. Денискин мир богат (см., например, рассказы «Что я люблю» и «Чего я не люблю»). Но этот мир очень замкнут на самого героя и тех, кто входит в его окружение. Близки ему люди бескорыстные, тоже тонко чувствующие красоту жизни, природы, искренние («Белые амадины», «Девочка на шаре», «Он живой и светится» и другие). К людям противоположного склада он и его друзья относятся враждебно (неизвестная тетка с золотым зубом из «Белых амадин» или другая женщина из малоизвестного, видимо, ввиду некоторой излишней жестокости рассказа «Говорящая ветчина»). Поделом этим гадким людям, мещанам, конечно. Никто не может остаться беспристрастным, когда изображает зло. Но у Драгунского зло все-таки воплощается в некоторых персонажах, которые вторгаются откуда ни возьмись в светлый и добрый мир Кораблевых. Может быть, даже любой разрыв пространства является угрозой этому миру, оборачивается разлукой и смертью (уезжает на другой конец страны первая любовь Дениски из «Девочки на шаре», разлучаются любящие супруги из «Поют колеса тра-та-та»; тоскует Дениска, ожидая маму, пока Мишка не дарит ему живую звездочку, а с ней — надежду и веру в добро из рассказа «Он живой и светится» и т.д.). У Р.П. Погодина Сенька буквально меняет точку зрения, поднимается над своим мелким чувством. Раскрывшийся перед ним вид предстает как своеобразный прорыв героя в мир, как просветление, как восстановление гармонии.

Это не случайно. Из временно-пространственных разрывов в виде воспоминаний у В.Ю. Драгунского выплывает война «В Арбузном переулке» и «Человеке с синим лицом». Вообще история таится под спудом, подобно какому-то ха-

осу, который пытается укротить искусство (иногда комически, как, например, в рассказе «Смерть шпиона Гадюкина»). Не то у Р.П. Погодина. Сенька потому и чувствует себя «ихним», этой земле принадлежащим, что он изначально включен в исторический процесс смены поколений. И.Н. Тимофеева подчеркивает эту особенность творческого мировоззрения Р.П. Погодина, так как не у всех столь естественно и безыскусно, без стилизации, искренне выражается, высказывается народная мудрость, выражающаяся иногда в магическом ритуале.

Элементы магического ритуала можно увидеть и в рассказе В.Ю. Драгунского. Вот, возле тазика с младенцем образовался магический круг, с ребенком в центре. И оттуда из сопряжения всех стягивающих сил протягивается ручонка и цепляется именно за того, кто был слабее других связан в семью, и это потрясает все существо Дениски. Он становится защитником, принимает на себя роль старшего брата. Но здесь нет народной традиции, этот опыт принципиально неповторим, отсюда можно извлечь только довольно плоскую, хотя и полезную, мораль: старший ребенок должен для собственного блага быть вовлеченным в помощь по обеспечению жизни нового члена семьи.

Возможно, что эта разница в мировоззрении двух замечательных писателей коренится в их опыте преодоления слома жизнеустройства во время Великой Отечественной войны и потрясения XX съезда. Часть интеллигенции тогда уверилась в народе, в коммунизме и стала на путь борьбы с советской властью. Эта часть оказалась слишком большой и влиятельной, плоды ее деятельности мы пожинаем до сих пор. Другая, тоже немалая часть, стала искать корни патриотизма, истоки национального характера. Представители обоих направлений — «либерального» и «почвеннического» — писали и пишут книги для детей в соответствии со своими пафосом и идеалами. Выбор мы, как всегда, оставляем за читателем, доверяя его гражданскому чувству и разумению. Но, по крайней мере, отдавать себе отчет, что за возможную отраву мы даем ребенку и, соответ-

ственно, отвечать перед своей совестью мы обязаны. И должны предупредить читателя и его родителей о том, что они будут читать. В этом отношении советская литература должна продолжать делать свое благородное, доброе дело.

Как же может библиотекарь вести библиотерапевтическую службу? Ведь мы получаем в наших специальных учебных заведениях лишь педагогику и общую психологию, а не специальную библиотечную? Обычно практикуются следующие способы:

Читатель выговаривает свою беду, библиотекарь незаметно подбирает книжки о том, как другие люди находили достойный выход из его положения, которые как бы случайно оказываются у него под рукой;

Читатель выговаривает свою беду. Библиотекарь подбирает книги, в которых показывается образцовая модель отношений, при которых данная проблема вообще не встает;

Профилактика. Библиотекарь сам предполагает, какие проблемы могут возникнуть у читателя в данных обстоятельствах, и обсуждает с читателем то, что больше всего тревожит.

Естественными условиями работы являются добрая воля и желание библиотекаря, доверие между ним и читателем, наличие достаточно богатого фонда, хорошо изученного библиотекарем как с художественной, так и с мировоззренческой точки зрения. Необходимо отдавать себе отчет в том, что «психотерапия» является лишь одной из задач библиотечной работы с читателем, цель же ее остается неизменной — посредством книги содействовать самоактуализации, созиданию и раскрытию личности.

ВЫВОДЫ

В детской литературе, так же, как и в любой другой, поэтика пространства и времени играет важную роль в раскрытии и решении социально-психологических конфликтов.

Каждый из трех рассмотренных авторов по-своему применяет поэтику пространства и времени. М.С. Киселева использует пространственно-временной разрыв ткани повествования для пере-

дачи драматизма сюжета. В.Ю. Драгунский изображает богатый, но замкнутый внутренний мир, поэтому Дениску будет пугать бездна времени и пространства, раскрывающаяся перед ним, а проблема будет решена через своего рода бегство в младенчество и рождение из этого состояния сопереживания настоящему младенцу. Следует подчеркнуть камерность, интимность этого решения. У Р.П. Погодина поэтика пространства и времени применяется и для создания художественных образов, и для решения конфликта. Для творчества последнего характерны, скорее, не временно-пространственные разрывы, а прорывы — символ роста героя, его нравственных приобретений.